

ЭССЕ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И LEGALTECH: РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

К. Л. Брановицкий

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера
06108, Германия, Галле, Университетплатц, 10

Аннотация

В рамках настоящего научного исследования осуществлен комплексный теоретико-правовой анализ трансформационных процессов, обусловленных интеграцией технологий *LegalTech* и искусственного интеллекта в юридическую практику, с позиций доктрины юридической профессии и концепции адвокатской монополии. Методологический инструментарий включает сравнительно-правовой метод, историко-правовой анализ эволюции юридической профессии и функциональный подход к оценке современных правовых институтов. На материале судебной практики правовых систем континентального и общего права (преимущественно Германии и США) исследована правовая квалификация деятельности *LegalTech*-платформ через призму доктрины *unauthorized practice of law*, что позволило выявить юридические противоречия в их статусе. Научная новизна исследования заключается в выявлении нового витка диалектического противоречия между принципами правового формализма и стремлением к упрощению, проявляющегося в условиях стремительной цифровизации юридической сферы. Показано, что в ряде консервативных правопорядков наблюдается стремительный рост автоматизированных систем досудебного юридического консультирования, что объективно ведёт к системной депрофессионализации правовой помощи. Выявлены ключевые акторы данного процесса — коммерческие IT-структуры, реконцептуализирующие юридический рынок как пространство извлечения прибыли, что противоречит фундаментальным принципам института адвокатуры: независимости (*independence*) и исключительности (*exclusivity*), обеспечивающим дуалистическую функцию профессии — оказание квалифицированной юридической помощи и поддержание верховенства закона (*rule of law*). Автором разработана и обоснована теоретическая концепция рисков стандартизации юридических услуг: снижение качества правовой помощи при рассмотрении юридически сложных и атипичных казусов; правовая неопределенность в вопросе распределения ответственности за ошибки автоматизированных систем; эрозия нормативных основ правоприменения при переносе центра формирования правил разрешения конфликтов из законодательных органов в корпоративные структуры IT-индустрии. В контексте теории социальных систем Н. Лумана аргументирована необходимость сохранения процессуальной автономии права как инструмента разрешения социальных конфликтов. На основании проведенного исследования сформулирован вывод о том, что интеграция *LegalTech*-решений должна осуществляться в рамках нормативно-правового регулирования с четким определением юрисдикционных границ «депрофессионализации» и механизмов профессиональной ответственности, вне зависимости от технологических перспектив, открываемых системами искусственного интеллекта и платформами онлайн-разрешения споров (*ODR*).

Ключевые слова

LegalTech, ChatGPT, искусственный интеллект, адвокатская монополия, сравнительное правоведение, право Германии, депрофессионализация, цифровизация права

Конфликт интересов Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования Брановицкий, К. Л. (2024). Искусственный интеллект и Legaltech: риски трансформации юридической профессии. *Цифровое право*. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5>

Поступила: 08.10.24; принята в печать: 18.11.2024

ESSAYS

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGALTECH ON THE LEGAL PROFESSION: RISKS AND CHALLENGES

Konstantin L. Branovitskii

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg
10, Universitätsplatz, Halle, Germany, 06108

Abstract

This essay examines the transformation of the legal profession caused by the proliferation of LegalTech and artificial intelligence primarily focusing on the erosion of the traditional lawyer's monopoly. Drawing on comparative legal analysis of German and U.S. case law, the study investigates how LegalTech platforms challenge established doctrines of *unauthorized practice of law* across jurisdictions. The research identifies a fundamental tension between legal formalism and procedural simplification that has entered a new phase in the digital era. The findings demonstrate that conservative legal systems are experiencing rapid expansion of automated pre-trial legal consultation services, resulting in systematic deprofessionalization of legal services. Significantly, the driving forces behind this transformation are commercial IT entities that approach the legal market primarily as a profit center, undermining the core principles of the legal profession, i.e., independence and exclusivity. These principles traditionally underpin the profession's dual function of providing qualified legal assistance while upholding the rule of law. The essay advances a theoretical framework for assessing the risks of standardizing legal services. These risks include degradation of service quality in complex or atypical cases, ambiguity in liability allocation for algorithmic errors, and the gradual displacement of normative legal foundations as conflict resolution shifts from legislative bodies to IT corporate structures. Building on Luhmann's systems theory, the analysis argues for preserving law's procedural autonomy as an essential mechanism for social conflict resolution. The study concludes that while LegalTech integration offers significant benefits, it must occur within a robust regulatory framework that clearly delineates

jurisdictional boundaries of acceptable deprofessionalization and establishes mechanisms for professional accountability. This regulatory approach is essential regardless of the technological capabilities offered by artificial intelligence systems and online dispute resolution platforms.

Keywords

LegalTech, ChatGPT, artificial intelligence, lawyer's monopoly, comparative law, German law, deprofessionalization, digitalization of law

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Branovtiskiy, K. L. (2024). The impact of artificial intelligence and LegalTech on the legal profession: Risks and challenges. *Digital Law Journal*. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5>

Submitted: 8 Oct. 2024, accepted: 18 Nov. 2024

Введение

Конец ноября 2024 г. ознаменовался важными новостями из мира информационных технологий: специалисты заявили, что искусственный интеллект (далее также — ИИ), и прежде всего большие языковые модели (*large language model*) в их современном виде, вероятно, достигли предела своего обучения и развития¹. Хотя для экспертов в области искусственного интеллекта такие заявления были предсказуемы, для широкой аудитории это стало неожиданным и даже шокирующим событием. Причины явления достаточно прагматичны и базируются на фундаментальных законах развития любых систем, требующих сочетания экстенсивных и интенсивных методов. В случае ИИ экстенсивный подход — использование масштабных публичных массивов данных для обучения — близок к исчерпанию. Ограниченность качественной информации и публичных источников может стать критическим фактором, а эксперты прогнозируют, что наиболее значимые ресурсы для обучения ИИ могут быть исчерпаны уже в период с 2026 по 2032 г.

Впрочем, подобные выводы идут вразрез с устойчивым общественным восприятием ИИ, где акцент делается на стремительно растущем влиянии новых технологий, таких как *ChatGPT*, на различные аспекты повседневной жизни. ИИ популяризирует новые направления профессиональной деятельности, такие как *Legal Engineering*, одновременно порождая опасения о вытеснении ряда традиционных профессий². Среди наиболее уязвимых профессий называют корректоров, таксистов, курьеров, а в долгосрочной перспективе — даже юристов.

Возможное снижение оборотов в качественном развитии ИИ, с нашей точки зрения, следует использовать для критического анализа происходящих под его влиянием изменений в юридической профессии, а также самого права как универсального социального регулятора общественных отношений. Возникает небольшой шанс на то, что на какое-то время место ИИ в модных трендах займет объективный анализ не столько его потенциальных возможностей

¹ Palazzolo, S., Woo, E., & Efrati, A. (n.d.). OpenAI shifts strategy as rate of “GPT” AI improvements slows. <https://www.theinformation.com/articles/openai-shifts-strategy-as-rate-of-gpt-ai-improvements-slows>

² Demirci, O., Hannane, J., & X. Zhu. (2024, November 11). *Research: How gen AI is already impacting the labor market*. Harvard Business Review. <https://hbr.org/2024/11/research-how-gen-ai-is-already-impacting-the-labor-market>

и порой завышенных ожиданий, сколько реального применения в такой чувствительной сфере, как право, а также взвешенная оценка рисков.

Современная юридическая профессия переживает трансформацию, вызванную прогрессом технологий, среди которых ключевыми стали ИИ и *LegalTech*-платформы. Эти технологии создают новые возможности для автоматизации сложных правовых процессов, начиная от анализа огромных массивов данных и составления юридических документов и заканчивая возможностью предсказания исходов судебных процессов.

Согласно исследованию *Future Ready Lawyer Studie* компании *Wolters Kluwer*, в котором начиная с 2019 г. регулярно анализируются результаты опросов юристов в компаниях и адвокатов в Европе и США (свыше 700 участников), процесс серьезных/коренных изменений во взгляде на профессию внутри профессионального сообщества — свершившийся факт.

В последних данных за 2024 г. уже даже не обсуждается, готовы ли юристы к *LegalTech* или ИИ, а констатируется, что 76% опрошенных юристов компаний и 68% адвокатов используют ИИ в работе хотя бы раз в неделю³. Предметом анализа выступают скорее вопросы о том, как именно и в какой степени юристы сегодня используют *LegalTech* и ИИ в работе (поиск информации и практики, анализ и составление договоров). При этом в качестве актуальных на ближайшие три года в докладе *Future Ready Lawyer Studie 2024* названы следующие вызовы:

- растущие затраты (большинство готовых профессиональных юридических решений в сфере ИИ стоит очень дорого);
- постоянно возрастающая сложность и объем информации с точки зрения обработки и безопасности;
- необходимость привлекать и удерживать лучшие кадры на рынке труда.

В случае если принять во внимание своеобразный консенсус профессионального сообщества о том, что без использования *LegalTech* и ИИ лучших клиентов сегодня не заполучить, то остается вопрос, какую цену придется заплатить профессии и ее клиентам за переход к ИИ. Готово ли само общество, требующее от юристов идти в ногу со временем, к возможным последствиям для права в целом, а также к новым реалиям профессии юриста в эпохе ИИ?

I. Историческая трансформация юридической профессии под воздействием технологий

Юридическая профессия, как и сама правовая система, прошла долгий путь от ритуалов древних цивилизаций до современных технологий искусственного интеллекта. Каждый исторический этап трансформации не просто изменял способы работы юристов, но и переосмысливал саму роль права в обществе (Janssen & Vennmanns, 2021, pp. 38–57; Susskind & Susskind, 2015). С каждым новым этапом в юридическую практику приносилось что-то ранее отсутствовавшее: письменные кодексы сделали нормы неизменными и доступными; формуляры упростили составление документов; изобретение печатного станка ускорило распространение правовой информации, а появление компьютеров, интернета и ИИ сделало право более динамичным и универсальным. Эти изменения, однако, не только открывали новые возможности,

³ Wolters Kluwer Legal and Regulatory. (2024). Future Ready Lawyer Studie 2024. Legal Innovation: Die Zukunft gestalten oder abgehängt werden? [Future ready lawyer study 2024. Legal innovation: Shape the future or be left behind?]. Wolters Kluwer. Исследование доступно для скачивания по адресу: https://www.wolterskluwer.com/de-de/know/future-ready-lawyer-2024?utm_medium=cpc&utm_source=google&utm_campaign=legal_future_ready-lawyer-2024&wkn=03113&gad_source=1&gclid=Cj0KCQiA_9u5BhCUARisABbMSPs_xPRch63iUCqg3_tqX1wSfXGE8ld7gpVLCrTotcN2u7UuOAYwTlaAu2kEALw_wcB#download

но и создавали уникальные вызовы, заставляя пересматривать традиционные подходы и переосмыслять саму природу юридической профессии.

Сегодня технологии определяют развитие юридической профессии больше, чем когда-либо ранее. Искусственный интеллект, автоматизация рутинных задач и *LegalTech*, обработка больших данных — всё это меняет не только способы работы, но и фундаментальные представления о праве. Например, автоматизированные юридические платформы предоставляют услуги, которые ещё несколько десятилетий назад требовали непосредственного участия юристов-профессионалов. Показательны примеры *LegalTech*-сервисов типа *Myflyright*, *Wenigermiete.de*, которые позволяют бесплатно⁴ получить компенсацию за задержку авиарейса или снизить арендный платеж за жилье, как правило, за счет алгоритмизированной претензионной (досудебной) стадии. При этом непосредственно человек, а именно адвокат, подключается только на этапе судебного разбирательства, что с учетом бесспорности правовой части вопроса и упрощенного характера фактической составляющей происходит очень и очень редко. Получив сгенерированное таким *LegalTech*-сервисом письмо-требование, которое направляется только после проверки сервисом фактов (задержки/отмены рейса), потенциальный ответчик будет доводить дело до суда только в крайних случаях (подделка билета и т.п.).

Несмотря на ограниченный пока перечень разрешаемых дел, это ставит фундаментальный вопрос о роли юристов как посредников между законом и обществом, поскольку в таких сферах посредничество юриста становится для клиентов слишком затратным по финансовым ресурсам (стоимость услуг адвоката), а также по времени: *LegalTech*-сервис выполняет проверку в считанные мгновения на основании сведений, загруженных в личный кабинет самим клиентом. Сами сервисные платформы становятся экономически привлекательной моделью бизнеса благодаря эффекту масштаба и необходимости минимального человеческого ресурса.

Тем не менее трансформация юридической профессии и права — это не феномен нашего времени. Она началась с момента возникновения первых правовых систем. Эволюция права всегда была связана с технологическими достижениями, начиная с письменности, которая позволила фиксировать законы, дальше к формулярам, которые существенно упростили право, и заканчивая современными цифровыми инструментами, которые делают право доступным для понимания в том числе неюристу. С известной долей условности можно сказать, что всё развитие права — это борьба между формализмом и упрощением (Guillemard et al., 2018, p. 322).

Первые значительные преобразования начались с появлением письменных кодексов, таких как Кодекс Хаммурапи, который стал основой для систематизации права. Этот шаг исключил субъективность устных интерпретаций, сделав правоприменение более стабильным и предсказуемым (Harper, 1904, p. 5). Однако письменное право и профессия юристов приобрели настоящую мощь в Римской империи. *Codex Justinianus* (одна из частей *Corpus juris civilis*) не только зафиксировал нормы, но и объединил их с доктринальными комментариями юристов, что стало фундаментом для всей европейской правовой традиции (Blume & Frier, 2016). Именно благодаря римскому праву деятельность юристов стала профессиональной, а само понятие *Codex* стало олицетворением законченности и всеобъемлемости (Vismann, 2000, p. 77).

Важным шагом в процессе трансформации стало широкое и повсеместное использование формуляров (например, *Bill of Lading*) — шаблонов для юридических документов, которые упростили правоприменение. Эти инструменты позволили стандартизировать оформление

⁴ Речь идет исключительно об отсутствии прямых затрат клиента на юридические услуги. Так, в случае с компенсацией за задержку/отмену рейса клиент уступает право требования до 30% от полученной компенсацией, а при положительном снижении размеров арендной платы — величину уменьшенной стоимости аренды за шесть месяцев.

контрактов, завещаний и исков, что было значимо для развития средневековой торговли. Формуляры стали символом окончательного перехода от сакрального к прагматичному подходу к праву. В этом ярко проявилась готовность права к постоянной трансформации в связи с меняющейся экономической и социальной реальностью, а также к борьбе между формализмом и упрощением. Одновременно с этим развитие университетов закончило формирование профессионального слоя юристов, способных применять право в новой социальной и экономической среде. Благодаря последнему фактору юристы на долгое время получили монополию на разрешение конфликтов правовыми средствами в обществе. Она базировалась на строгих требованиях к квалификации, ограничивающих доступ к профессии и специализации (адвокатура и нотариат).

Изобретение печатного станка сделало возможным массовое распространение законов, судебных решений и правовых комментариев, отныне доступных для широких масс. Этот процесс достиг апогея с принятием Кодекса Наполеона, который объединил разрозненные нормы во Франции и стал в том числе благодаря возможностям печати эталоном законодательной техники для множества национальных правовых систем. Печатная революция не только ускорила распространение правовых норм между правовыми системами, послужила рецепции права, но и сделала нормы доступными для граждан, укрепляя доверие к правосудию. При этом параллельно с расширением доступности правовых норм, запустился процесс усложнения и формализации права, в том числе через закрытие, так называемую национализацию, правовых систем. Интересно, что данные тенденции были взаимообусловлены, что еще раз подтверждает тезис о вышеуказанной дихотомии. Курс на национализацию правопорядков привел к детальному регламентированию юридической профессии, росту лоббистских возможностей юридической корпорации и ее осознанию себя как субъекта государственного управления.

С развитием технологий в XX в. трансформация юридической профессии и права продолжилась, приобретая более фундаментальный характер⁵, поскольку она, во-первых, сопровождалась постепенным подрывом монополии юристов на разрешение конфликтов, а во-вторых, впервые за долгий период развития поставила под вопрос постулат о верховенстве права как всеобщего консенсуса для разрешения социальных конфликтов. Электронные базы данных, такие как *LexisNexis*, радикально ускорили доступ к правовой информации, а современные алгоритмы, в частности *predictive coding*, оказались способны анализировать огромные массивы данных без участия человека. Развитие *LegalTech*-сервисов типа *Myflyright*, *Wenigermiete.de* и т.п. создало в обществе представления о том, что дорога к адвокату/юристу не единственный способ получения юридической консультации и/или разрешения конфликта и далеко не самый эффективный⁶. Появление *ODR (online dispute resolution)* на платформах с огромной

⁵ Подробнее см. изданную коллективную монографию по теме: Engstrom (2023).

⁶ Примеры вроде *TurboTax* в США, а именно негативная сторона развития таких *LegalTech*-сервисов, незнакомы широкой публике. Большинству известно лишь, что подобные сервисы и стартапы традиционно оперируют такими понятиями, как «инновация», «прозрачность», «общественное благо» и т.п. (и связываются тем самым в общественном сознании с ними). В случае с *TurboTax* производитель революционного сервиса помощи в заполнении налоговой декларации, после того как полностью изменил рынок труда (обычный бухгалтер был вынужден либо уйти из профессии, либо использовать сервис *TurboTax*), со временем стал применять рыночные и лоббистские механизмы для недопущения принятия закона о подобных бесплатных сервисах для населения, превратившись затем в очередного «искателя монополярной ренты». Подробнее см.: Huseman, J. (2017, March 20). *Filing taxes could be free and simple but H&R block and intuit are still lobbying against it*. ProPublica. <https://www.propublica.org/article/filing-taxes-could-be-free-simple-hr-block-intuit-lobbying-against-it>

аудиторией (*Amazon, eBay*), в котором споры рассматриваются не просто без участия человека, но и без какого бы то ни было использования сакрального *Codex* (материального гражданского права), поставило вопрос шире утраты монополии юристами — в связи с вызовом для верховенства права как такового.

Как пишут некоторые исследователи, правосудие будущего станет вершиться не в залах судебных заседаний, но в строках программного кода. Адвокаты, судьи и любые скептики при этом будут обличены как бездушные монополисты, равнодушные к мировому кризису доступа к правосудию, находящиеся в плену своих корыстных и архаичных представлений о правосудии и праве (Spaulding, 2023, p. 254). Наблюдаемое последовательное снижение статуса и протекционистского потенциала адвокатуры ввиду развития *ADR* при активной поддержке судов, ограничений в рекламе и внутренней конкуренции, государственного контроля за ценообразованием и т.п. способностей противостоять грядущей буре юридической корпорации также не добавляет (Luban, 2003, p. 209; Spaulding, 2017, p. 2249).

II. Разрушение традиционной монополии юристов (адвокатов)⁷

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, какие именно угрозы создает ИИ для существующей модели адвокатуры, необходимо в самом общем виде подчеркнуть два генеральных принципа построения профессии, встречающихся практически во всех правопорядках: независимость (*independence*) и исключительность (*exclusivity*) (Hazard & Dondi, 2024, p. 63)⁸. Принципы, в свою очередь, вытекают из двух ключевых функций: оказания юридической помощи и содействия правосудию путем надлежащего консультирования и предотвращения злоупотребления правом (Rhode, 2000, p. 71). Последнее иногда называется функцией по поддержанию верховенства закона (Remus, 2017, p. 864). В решениях Европейского суда по правам человека по делу *Nikula v. Finland*⁹ и Суда ЕС по делу *Prezes Urzędu Komunikacji Elektronicznej v. Commission*¹⁰ также подтверждается дуальный характер деятельности адвокатов.

Таким образом, речь идет о квалифицированном, компетентном и независимом (не только от других лиц, но и от самого клиента) консультировании. Следует отметить, что именно благодаря наличию этих двух принципов в совокупности традиционная модель адвокатуры отказывается от смешения юридической практики с предпринимательской деятельностью. Взамен государство предлагает адвокатам три привилегии: барьеры для входа в профессию, профессиональная монополия (так называемый запрет неюристам на юридическую помощь), а также этические правила (поддержание авторитета в обществе) (Remus, 2017, p. 873).

Развитие генеративного ИИ в сфере *LegalTech* и юридического консультирования способно «выбить» практически все привилегии адвокатуры и поставить под вопрос принцип независимости юридического консультирования, что, в свою очередь, может привести к более глубокой трансформации права, чем кажется на первый взгляд. При этом интерес представляет также, каким образом это может произойти, ведь генеративный ИИ — это программный

⁷ В настоящей статье влияние технологий на юридическую профессию рассматривается на примере адвокатуры, а не юристов в целом, ввиду четких критериев регламентации профессиональной деятельности.

⁸ В качестве иной модели можно рассматривать разве что правопорядок Китая, в котором профессия адвоката, в сравнении с остальным миром, появилась позднее, см.: Xu (2023, pp. 269–288).

⁹ *Nikula v. Finland*, 31611/96, 4 Eur. H.R. Rep. 478 (2000).

¹⁰ *Joined Cases C-422/11 P & C-423/11 P, Prezes Urzędu Komunikacji Elektronicznej and Rep. of Pol. v Eur. Comm'n*, ECLI:EU:C:2012:553 (Sept. 6, 2012).

код / алгоритм, который сам по себе непосредственной угрозы ни для кого не представляет. В этом смысле алармисты, утверждающие об опасности самого ИИ, не замечают гораздо более глобальной картины очередного витка битвы между упрощением и формализмом в праве, в который обязательно должны войти такие промежуточные, но необходимые для «победы» упрощения этапы, как изменение понятия «юридическое консультирование», а также исключение монополии на эту деятельность. Кроме того, необходимо четкое представление об акторах очередной трансформации, поскольку думать, что адвокатская монополия упразднится под общественным давлением с благими целями упрощения и повышения доступности права, довольно простосердечно.

Для начала необходимо уяснить, откуда проистекает угроза упразднения адвокатской монополии и исчезновения целой профессии, что легко сделать, поняв, чем именно на юридическом рынке «занимается» сегодня генеративный ИИ и под какими лозунгами. Одна из основных сфер сегодня — это консультирование по вопросам права, когда юридические услуги становятся доступными для людей без юридического образования, т.е. продвигается идея о том, что можно решить юридический вопрос самому, не прибегая к помощи адвоката. Так, существует множество ИИ-систем, которые предоставляют юридические консультации по всему спектру права (от наследования до M&A-делок), а также оказывают помощь в заполнении юридических документов.

Таким образом, непосредственно угроза исходит не от самих ИИ-систем, а от укоренения в общественном сознании наивной идеи о «рынке самообслуживания», где можно без адвоката решить все юридические вопросы. При этом сам процесс протекает путем плавного видоизменения понятия «юридическая консультация» через борьбу с так называемым *unauthorized practice of law*. В последнем случае различные правопорядки с разной степенью успешности отстаивают идею о том, что юридические услуги могут оказывать только юристы (адвокаты). Так, в США общий консенсус заключается в том, что если в соответствующем штате не принято какого-либо исключения, давать юридические консультации в этом штате могут только те лица, которые были допущены к адвокатской деятельности¹¹. Попытка же маскировать юридическую помощь под что-то другое натолкнулась в известном деле *Janson v. LegalZoom* на запрет суда, когда последний отметил, что не видит существенной разницы между услугами адвоката по подготовке документов для клиента и услугами, предлагаемыми компанией *LegalZoom*.

В Германии действует специальный Закон — *Rechtsdienstleistungsgesetz*¹², которым предусматривается обязательное получение разрешения на деятельность по оказанию юридических услуг (внесудебное консультирование, которое регулируется процессуальным законом), а также ведение единого реестра лиц, имеющих разрешение на это. Так, статья 5 Закона допускает оказание юридических услуг в связи с другой профессиональной деятельностью в случае, если они являются вспомогательными для этой профессии или деятельности. Примерами могут служить консультации по вопросам банкротства, предоставляемые выпускниками экономических факультетов, по вопросам строительного права или ответственности

¹¹ Needham, C. A. (n.d.). *The application of unauthorized practice of law regulations to attorneys working in corporate law departments*. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/committees_commissions/commission-on-multijurisdictional-practice/mjp_cneedham/. На практике это, впрочем, приводит к перегибам в виде запретов адвокатам представлять интересы клиентов в других штатах или проблемам законности деятельности так называемых *inhouse legal counsels* (штатных юристов).

¹² Rechtsdienstleistungsgesetz [RDG] [Act on Out-of-Court Legal Services] Dec. 12, 2007 BUNDESGESETZBLATT, Teil I [BGBL I] at 2840, last amended by Gesetz [G], March 10, 2023 BGBL 2023 I Nr. 64, <https://www.gesetze-im-internet.de/rdg/>

за дефекты — архитекторами, по вопросам структурирования активов или наследования компаний — банками, и т.д. Впрочем, появившись почти 20 лет назад, этот Закон, уже тогда воспринимавшийся как покушение на адвокатскую монополию, в полную силу заработал только с широким развитием *LegalTech*-решений, незаметно изменив генеральную идею своего принятия. Речь, в частности, идет о том, что, разрешая юридическое консультирование для неадвокатов в качестве вспомогательной/неосновной деятельности, законодатель исходил из одних условий конкурентной среды, которые, впрочем, сильно изменились за время его существования¹³. Архитектор, консультирующий клиента по вопросам строительного права при анализе дефектов строения, не преследует при этом в качестве главной цели извлечение прибыли, ведь основной его доход (бизнес-модель) — это деятельность по проектированию зданий и сооружений, на которую он тратит львиную долю времени и средств (следит за новинками отрасли, изучает специальную литературу и т.п.). В связи с этим снижается уровень его юридической консультации, что, в свою очередь, означает довольно низкую угрозу для юридического консультирования адвокатов, для которых это один из основных видов деятельности со всеми вытекающими требованиями к поддержанию уровня собственной квалификации.

Развитие *LegalTech*-решений, таких как уже упоминавшаяся ранее платформа *Wenigermiete.de* (принадлежит компании *LexFox*), строится на совершенно другой бизнес-модели, в корне отличающейся от юридического консультирования архитектором. Такие платформы, покупая права требования у потребителя и беря на себя этап досудебного урегулирования (следует признать, довольно успешно), коммерчески выгодны. Привлекательны они и для клиентов, которые платят за услуги только в случае успеха. С юридической точки зрения деятельность таких платформ/компаний подпадает под регулирование *Rechtsdienstleistungsgesetz* и квалифицируется как юридическая услуга по внесудебному взысканию задолженности (*Inkasso*). Тот факт, что юридическая консультация для такого лица перестает быть вспомогательной деятельностью, а становится основной, по мнению Верховного суда Германии, уравновешивается пользой от дерегуляции и либерализации юридического рынка, а также от появления профессий будущего¹⁴. В своем решении суд отметил, что при оценке законности/незаконности деятельности таких *Inkasso*-компаний необходимо в каждом конкретном случае проводить оценку обстоятельств, руководствоваться целью защиты лиц, нуждающихся в правовой помощи, а также принимать во внимание ценностные положения Основного закона ФРГ.

На примере правопорядков Германии и США можно наблюдать разные подходы к определению понятия «юридическая консультация» в плане возможности ее осуществления неадвокатами. От допуска только в виде исключения до разрешения вспомогательной (неосновной) деятельности, особенно с учетом анализа конкретных судебных дел (*LegalZoom*, *LexFox*), лежит пропасть. Впрочем, на примере Германии можно не только наблюдать попытку постепенного вытеснения адвокатов с юридического рынка, но и, что более интересно, следить за раскрытием информации о том, кто реально заинтересован в «повышении доступности». В действительности акторами процесса становятся *IT*-компании, для которых юридический рынок всего лишь новый рынок, наравне с такси-перевозками, книжным рынком или маркетплейсами. Именно основная цель их деятельности — извлечение прибыли — позволяет им вырабатывать столь

¹³ В качестве основной цели принятия Закона назывались дерегуляция и либерализация рынка внесудебных юридических услуг.

¹⁴ Решение Верховного суда Германии от 27 ноября 2019 г. по делу VIII ZR 285/18. (Bundesgerichtshof [BGH] [Federal Court of Justice] Nov. 27, 2019, 224 Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Zivilsachen [BGHZ] 89 (Ger.) <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101936&pos=0&anz=1>).

привлекательные ИТ-решения, которые не под силу создать никакой отдельно взятой юридической фирме или адвокату¹⁵.

Наличие столько качественного ИТ-продукта в виде *LegalTech* ведет к постепенному снижению для потребителя важности дуального характера деятельности адвокатов при юридическом консультировании. Условно бесплатный характер *LegalTech* только ускоряет процесс вытеснения. В такой ситуации изначально предпринимательская деятельность компаний-разработчиков, а также смысл и значение принципа непредпринимательской деятельности адвокатов отходят на второй план.

III. Риски стандартизации юридических услуг

Существующие тенденции в юридическом консультировании можно охарактеризовать как стремление к стандартизации юридических услуг. Основной идеей является создание/разработка унифицированных шаблонов или алгоритмов для решения типичных задач, таких как составление договоров, подача претензий (досудебное урегулирование) и формирование жалоб. Целями провозглашаются ускорение юридических процессов, снижение затрат и расширение доступа к правовой помощи. Однако эта тенденция порождает множество вызовов, связанных с качеством юридических услуг, ответственностью за ошибки автоматизации и сохранением индивидуального подхода.

С одной стороны, автоматизация рутинных правовых задач позволяет обрабатывать большие объемы данных и документов, но с другой — эффективность падает при решении проблем, требующих глубокого анализа обстоятельств. В сложных случаях стандартизированные алгоритмы часто оказываются неспособны учесть все особенности конкретной ситуации (Katz, 2013, pp. 909–966). Проблемы также возникают при применении ИИ для составления документов или подачи исков. Алгоритмы могут проигнорировать детали, которые имеют огромное значение для рассмотрения дела (несущественные на первый взгляд факты). Кроме того, в целях повышения убедительности позиции судебного документа не исключается «выдумывание» несуществующих прецедентов. Так, в известном случае адвокат доверился *ChatGPT* при подготовке иска, и последний добавил в текст вымышленные прецеденты. В результате ответственность понес сам адвокат, а не разработчик¹⁶.

Неопределенность в стандартизации также несет риски для адвокатской монополии, поскольку постепенно снижается роль адвоката как связующего звена между законом и клиентом. Клиент, доверяющий алгоритмам, может получить ложное впечатление о том, что право — это понятная и упрощенная процедура. Алгоритм выполняет указания пользователя быстрее и дешевле, чем человек, не задавая лишних вопросов. Известное выражение, приписываемое Пабло Пикассо, о бесполезности компьютеров, потому что они дают нам только ответы, знакомо далеко не каждому. Однако исчезает функция поддержания верховенства закона, которая выполняется при юридическом консультировании адвокатом, что позволяет последнему задавать правильные вопросы и понимать истинные интересы клиента, которые тот нередко не способен выразить словами. Кроме того, адвокат несет ответственность за юридическое просвещение, содействие примирению сторон и минимизацию судебных споров.

¹⁵ Высокие зарплаты программистов, транснациональный уровень (в случае *Amazon*), междисциплинарный подход к решению задач практически полностью исключают реальную конкуренцию.

¹⁶ Armstrong, K. (2023, May 28). *ChatGPT: US lawyer admits using AI for case research*. BBC. <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-65735769>

Стандартизация и дальнейшее упрощение правоприменения несут угрозу не только адвокатской монополии, но и монополии права на разрешение конфликтов в обществе в целом. Например, клиентам компаний, таких как *Amazon* или *eBay*, нравится быстрая обработка споров через *ODR*, но это не должно автоматически приводить к переосмыслению значения права и закона в современном обществе. Тот факт, что клиентам приятно «командовать» ИИ и требовать решения юридических проблем по своему усмотрению, не означает, что такое «юридическое консультирование» должно быть мгновенно разрешено на законодательном уровне. Алгоритмы не могут выполнять одну из ключевых функций адвоката — поддержку верховенства закона, учет незначительных фактических обстоятельств и интересов всех потенциальных участников спора.

В свою очередь, недостаток понимания потребителем того, что в случае с *ODR* решения часто принимаются на основе внутренних регламентов транснациональных корпораций, а не на основе материального права, не должен приводить к законодательному сокращению судебной компетенции. Реакция на неправовые явления правовыми средствами не всегда способствует укреплению роли права в обществе. Право традиционно считалось цементирующим звеном системы мировой устойчивости в рамках теории социальных систем Лумана (Luhman, 1993). Право как автономная нормативная самовоспроизводящаяся система и процессуальный порядок разрешения юридических дел обеспечивают целостность социальной системы путем упорядочивания ожиданий участников коммуникации. Монополия права на создание процессуального порядка разрешения конфликтов в обществе всегда основывалась на категориях более высокого порядка, таких как «равноправие», «состязательность» и «право быть выслушанным», а не исходила из императива «максимум удобства» для потребителя.

Выводы

Трансформация юридической профессии под воздействием технологий, таких как ИИ и платформы *LegalTech*, представляет собой сложный и многогранный процесс, влекущий как значительные перспективы, так и новые вызовы. С одной стороны, технологический прогресс позволил значительно упростить доступ к правовой информации, автоматизировать рутинные задачи и предложить инновационные методы взаимодействия между законом и обществом. С другой стороны, эти изменения сопряжены с рисками утраты адвокатской монополии, изменения роли юриста как посредника между правом и клиентом, а также стандартизации юридических услуг, что может негативно сказаться на их качестве и индивидуальном подходе.

Современные *LegalTech*-решения, такие как *Wenigermiete.de* и *Myflyright*, демонстрируют потенциал для предоставления юридической помощи без участия адвокатов, используя алгоритмы для обработки типичных дел. Эти платформы оказываются экономически привлекательными для клиентов, что усиливает тенденцию к их использованию. Однако непосредственная угроза исходит не от самих технологий, а от укоренения в общественном сознании упрощенного подхода к решению юридических вопросов. Это приводит к постепенному изменению понятий «юридическое консультирование» и «профессиональная ответственность», что требует пересмотра нормативной базы и переосмысления роли адвокатов в новых условиях.

Автоматизация и стандартизация правовых услуг, несмотря на их очевидные преимущества, несут риск утраты индивидуального подхода и юридической точности. Хотя алгоритмы показывают высокую эффективность в обработке типичных случаев, они часто не способны учитывать уникальные обстоятельства сложных дел. Это может привести к снижению доверия к правовой

системе и ухудшению качества оказываемой юридической помощи. Кроме того, такая стандартизация ставит под сомнение роль юриста как гаранта верховенства закона, затрудняя исполнение функций правового просвещения и содействия примирению сторон.

Особое значение приобретает вопрос этической и юридической ответственности за ошибки ИИ-систем, используемых в правовой сфере. Прецеденты, когда алгоритмы предоставляли недостоверные данные или даже «выдумывали» факты, подчеркивают необходимость четкого распределения ответственности между разработчиками, пользователями и профессиональными юристами. Экономический аспект внедрения *LegalTech* также вызывает беспокойство: высокие затраты на разработку и эксплуатацию таких решений ограничивают их доступность, что может усугубить существующее цифровое неравенство.

В сложившейся ситуации необходимы регулятивные изменения, которые позволят адаптировать законодательство к новым технологическим реалиям: разработка стандартов взаимодействия традиционных юридических практик с новыми технологиями, закрепление роли юриста как главного ответственного субъекта, способного учитывать не только правовые, но и морально-этические аспекты в своей деятельности. Другими словами, речь идет о необходимости на законодательном уровне удерживать роль адвоката как посредника между законом и клиентом, оставляя за технологиями вспомогательную функцию.

Список литературы / References

1. Blume, F. H., & Frier, B. W. (Eds.). (2016). *The Codex of Justinian: A new annotated translation, with parallel Latin and Greek text*. Cambridge University Press.
2. Engstrom, D. F. (Ed.) (2023). *LegalTech and the future of civil justice*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009255301>
3. Guillemard, S., Kerneis, S., & Menetrey, S. (2018). La vie formulaire – entre procédure judiciaire et dérive administrative du droit d’hier à aujourd’hui [Formulaic life – between judicial procedure and administrative abuse of law from yesterday to today]. *International Journal of Procedural Law*, 8(2), 319–342. <https://doi.org/10.1163/30504856-00802013>
4. Harper, R. F. (1904). *The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C.* University of Chicago Press.
5. Hazard, G. C., & Dondi, A. (2004). *Legal ethics: A comparative study*. Stanford University Press.
6. Janssen, A., & Vennmanns, T. J. (2021). The effects of technology on legal practice: From punch card to artificial intelligence? In L. A. DiMatteo, A. Janssen, P. Ortolani, F. de Elizalde, M. Cannarsa, & M. Durovic (Eds.), *The Cambridge handbook of lawyering in the digital age* (pp. 38–56). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108936040.005>
7. Katz, D. M. (2013). Quantitative legal prediction – or – how I learned to stop worrying and start preparing for the data-driven future of the legal services industry. *Emory Law Journal*, 62(4), 909–966.
8. Luban, D. (2003). Taking out the adversary: The assault on progressive public interest lawyers. *California Law Review*, 1(91), 209–246. <https://doi.org/10.2307/3481386>
9. Niklas, L. (1993). *Das Recht der Gesellschaft* [Law as a social system]. Suhrkamp Verlag.
10. Remus, D. A. (2017). Reconstructing professionalism. *Georgia Law Review*, 51(3), 807–877.
11. Rhode, D. L. (Ed.). (2000). *Ethics in practice: Lawyers’ roles, responsibility and regulation*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195129618.001.0001>
12. Spaulding, N. W. (2017). Due process without judicial process?: Antiadversarialism in American legal culture. *Fordham Law Review*, 5(85), 2249–2273.

13. Spaulding, N. W. (2023). Online dispute resolution and the end of adversarial justice. In D. F. Engstrom (Ed.), *LegalTech and the future of civil justice* (pp. 251–285). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009255301.015>
14. Susskind, R., & Susskind, D. (2015). *The future of the professions: How technology will transform the work of human experts*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198713395.001.0001>
15. Vismann, C. (2000). *Akten: Medientechnik und Recht* [Files: Media technology and law]. Fischer Taschenbuch Verlag.
16. Xu, X. (2023). Lawyers in Chinese culture. *Archives de Philosophie du Droit*, 64(1), 269–288. <https://doi.org/10.3917/apd.641.0269>

Сведения об авторе:

Брановицкий К. Л. — доктор юридических наук, магистр права (Киль, ФРГ), руководитель Центра LegalTech при Галле-Виттенбергском университете им. Мартина Лютера, Галле, Германия.

k.branovitsky@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9847-3417>

Information about the author:

Konstantin L. Branovitskii — Dr. Sci. in Law, LL.M. (Kiel, Germany), Teamleader of LegalTech Lab, Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Halle, Germany.

k.branovitsky@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9847-3417>